

Тем, кто пробивает себе дорогу вперед

Магия и волшебник должны искать равновесия.
Сущность магии — хаос. Маг должен хранить покой.
Личность, что раскололась, — негодный сосуд для силы,
Без удержу и без цели прольется сила в разлом.

*Тирен Серенс,
верховный жрец
Лондонского святилища*

ГЛАВА 1

Морская воровка

I

Арнезийское море

Дилайла Бард умела находить неприятности на свою голову.

Она всегда считала, что это лучше, чем ждать, пока они сами тебя найдут. Но сейчас, качаясь на океанских волнах в крошечном ялике на двоих, без весел и без снаряжения, если не считать связывающих ее руки веревок, она была готова пересмотреть свои взгляды.

Ночь выдалась безлунная, в морской черноте отражалось звездное небо, и только мерцающая рябь за бортом позволяла понять, где верх, где низ. Среди этих бесконечных отражений Лайле казалось, что она парит в центре вселенной.

И от этой бескрайности она чуть не расплакалась.

Но не стала. Прищурившись, всмотрелась в тусклую искорку на горизонте. Красноватый цвет вы-

делял корабельные огни среди бесчисленных звезд. Корабль — ее корабль — медленно, но решительно исчезал вдалеке.

Паника стиснула горло, но Лайла овладела собой.

«Я Дилайла Бард, — говорила она себе, чувствуя, как веревки врезаются в кожу. — Воровка, пиратка, странница. Я побывала в трех разных мирах и осталась жива. Я проливала королевскую кровь и касалась руками магии. Я одна стою целого корабля мужчин. Мне никто не нужен.

Я — единственная в своем роде».

Приободрившись, Лайла повернулась спиной к уходящему кораблю и всмотрелась в непроглядную ночь.

«Могло быть и хуже», — рассудила она и в тот же миг почувствовала, как холодная вода просачивается в сапоги. В ялике оказалась пробоина. Не очень большая, но утешение слабое: рано или поздно лодка все равно потонет.

Лайла со стоном взглянула на веревки, крепко стянувшие кисти рук. Хорошо хоть, ублюдки оставили ей свободными ноги. Правда, делу сильно мешал этот чертов наряд — платье. Длинное, эфемерно-зеленое, с бесчисленными оборками и такой узкой талией, что дышать невозможно. Почему, бога ради, женщинам приходится так себя мучить?

Вода в ялике поднималась все выше, и Лайла заставила себя сосредоточиться. Она перевела дыхание, насколько позволял тесный наряд, и произвела осмотр своих скудных пожитков: бочонок эля (прощальный подарок), три ножа (спрятаны), несколько сигнальных факелов (получены от тех, кто отпра-

вил ее в плавание), вышеупомянутое платье (разрази его гром) и то, что она прятала под его подолом и в карманах (пригодится, если она достигнет цели).

Лайла взяла сигнальный факел — штуковину, похожую на фейерверк. Если стукнуть по твердой поверхности, взметнется фонтан окрашенного света. Не короткий сполох, а ровный луч, способный разрезать темноту, как ножом. Факелы горят примерно четверть часа, а их цвета на открытой воде складываются в особый код: желтый — корабль тонет, зеленый — на борту болезнь, белый — прочие опасности, красный — пираты.

У нее было по одному факелу разных цветов, и, перебирая пальцами, она раздумывала, какой взять. Поглядела на поднимающуюся воду и выбрала желтый, взяла его связанными руками и стукнула о борт углой лодчонки.

Взметнулся свет, резкий и слепящий. Он разделил мир надвое: яростная желтизна светового конуса и плотная чернота вокруг. С полминуты Лайла чертыхалась и вытирала слезы, потом наконец сумела направить факел вверх, от лица. И начала считать. Едва глаза успели привыкнуть к свету, как он задрожал, замигал и погас. Она вглядывалась в горизонт, но не видела ни одного корабля. А вода прибывала, медленно и неуклонно, и уже дошла до лодыжек. Она взяла второй факел — белый, «терплю бедствие» — стукнула им о дерево, прикрыла глаза и стала отсчитывать минуты.

— Давай, — шептала она, всматриваясь в горизонт. — Давай, давай же, давай... — Слова утонули в шипении угасающего огня.

Воцарилась тьма. Лайла скрипнула зубами.

Судя по уровню воды в лодке, оставалось всего с четверть часа — время, пока горит один факел. А потом ялик неминуемо пойдет ко дну.

У дощатого борта что-то промелькнуло. Длинное и зубастое.

«Господи, если ты есть на свете, — взмолилась пиратка. — Или небесное светило, или высшая сила, или кто угодно там, наверху — или внизу — тот, кто из жалости или любопытства мог бы помочь мне прожить еще хоть один день, — вот сейчас самое время мне помочь».

С этими словами она взяла красный факел — предупреждение о пиратах — и ударила его о борт. Ночь утонула в призрачном алом зареве. На миг оно напомнило реку Айл в Лондоне. Не в ее Лондоне — если она вообще может назвать это унылое место своим, и не в зловеще-бледном Лондоне, где обитали Атос, Астрид и Холланд, а в его Лондоне. Его, Келла.

Он вспыхнул у нее перед глазами, словно луч факела, юноша с рыжими волосами и неизменной морщинкой между разноцветными глазами — голубым и черным. Антари. Волшебник. Принц.

Лайла вглядывалась в алое пламя факела, пока видение не исчезло. Есть более насущные заботы. Вода поднимается. Факел гаснет. Вокруг лодки крадутся тени.

И за миг до того, как зарево померкло, появилось это.

Поначалу лишь тонкая дымка протянулась над морем. Но вскоре туман сгустился в темный силу-

эт. В черных обводах и парусах отражалась ночь, тусклые палубные фонари могли сойти за звезды. И только когда умирающий свет факела дотянулся до высокого борта, она поняла, что это и вправду корабль. А тот уже почти нависал над лодкой.

В мерцании факела Лайла сумела разобрать название, выписанное блестящей краской. «Ис Рей-нес Гаст».

«Медный вор».

Глаза Лайлы распахнулись от радости. Она усмехнулась себе под нос, потом спрятала улыбку под выражением более подходящим — благодарность пополам с мольбой, с примесью осторожной надежды.

— *Tosa!* — крикнула она по-арнезийски и осторожно встала, стараясь не качнуть свое утлое суденышко.

«Помогите». Роль беззащитной жертвы была непривычна для нее, она изо всех сил старалась ей соответствовать, такая маленькая на дне утлой лодочки, в мокром зеленом платье, показывает смотревшим сверху морякам связанные руки. Лайла чувствовала себя посмешищем.

— *Керс ла?* — сказал один, обращаясь скорее к приятелям, чем к ней. «Это еще что?»

— Подарок? — предположил другой.

— Поделишься, — буркнул третий.

Слова остальных, долетавшие до слуха Лайлы, были еще менее приятны, и она насторожилась. Незнакомый выговор и океанский плеск мешали ей разобрать слова, но об общем смысле она догадывалась.

— Что ты там делаешь? — поинтересовался кто-то темнокожий, сливавшийся с ночной тьмой.

Ее арнезийский был еще далек от совершенства, но четыре месяца в открытом море, среди людей, не понимавших по-английски, заметно увеличили словарный запас.

— *Сенсан*, — отозвалась Лайла, «Тону». И услышала в ответ взрыв хохота. Вытаскивать ее никто не спешил. Она вытянула руки, чтобы все увидели веревку. — Мне нужна помощь, — произнесла она хорошо заученные слова.

— Сами видим, — был ответ.

— И кто же выбросил за борт такую красоту? — фыркнул кто-то.

— Может, на ней пробы ставить негде!

— Угу.

— Эй, крошка! У тебя все на месте?

— Давайте сами проверим!

— Что тут за крик? — громыхнул властный голос, и на палубе появился тощий, как жердь, человек с глубоко посаженными глазами и редющими черными волосами. Команда почтительно расступилась. Он ухватился за деревянный поручень и посмотрел на Лайлу. Цепкий взгляд ощупал ее с головы до ног — платье, веревку, бочонок, лодку.

Капитан, решила она.

— Похоже, тебе несладко, — заключил он. Голоса он не повышал, однако слова донеслись совершенно отчетливо. Его арнезийский говор был резким, но понятным.

— Как вы только догадались, — не удержалась Лайла. Дерзить было рискованно, но Лайла в лю-

бой ситуации умела найти верный тон. И собеседник, естественно, улыбнулся.

— Мой корабль захватили, — продолжала она. — А новый, как видите, долго не продержится.

Он перебил ее:

— Может, лучше продолжим разговор здесь, наверху?

Лайла радостно кивнула. А то она уж начала опасаться, что они проплывут мимо и бросят ее на произвол судьбы. Может, оно было бы и к лучшему, учитывая жадные слова и еще более жадные взгляды, но здесь, внизу, верная гибель, а наверху есть шанс выкрутиться.

Сверху метнули канат. Груз на его конце упал у ног девушки, в воду, плескавшуюся на дне лодки. Она ухватилась и подтянулась к борту корабля. Оттуда сбросили лестницу, по которой, не дожидаясь, пока Лайла поднимется, спустились двое матросов. Лодчонка под их весом стала тонуть гораздо быстрее, но они не обратили на это особого внимания. Один из них подхватил бочонок эля, а другой — недовольную Лайлу. Он перебросил ее через плечо, и ей потребовалось все самообладание — которое никогда не было сильным, — чтобы не вонзить нож ему в спину, особенно когда руки мужчины залезли ей под юбку.

Лайла впиалась ногтями в ладони, и к тому времени, когда спаситель поставил ее на палубу возле бочонка («Да она тяжелее, чем кажется, и вдвое жестче на ощупь»), на коже появились восемь маленьких полумесяцев.

— Ублюдок, — вполголоса буркнула Лайла по-английски. Он подмигнул ей, пробормотал что-то

насчет мягкости там, где надо, и Лайла мысленно поклялась убить его. Медленно.

Она выпрямилась и увидела, что ее кольцом окружили моряки.

Да нет, не просто моряки.

Пираты.

Мрачные, потемневшие и обветренные, в линялых одеждах, и у каждого на горле татуировка — нож. Метка пиратов «Медного вора». Она насчитала семь человек вокруг себя, пятеро занимались парусами, и еще, наверно, с полдюжины под палубой. Восемнадцать. Округлим до двадцати.

Тощий разорвал круг, шагнул вперед.

— *Соласе*, — развел он руками. — У моих парней все в порядке с храбростью, а вот манер им недостает. — Он опустил руки ей на плечи, на зеленое платье. Под ногтями запеклась кровь. — Ты дрожишь.

— Тяжелая выдалась ночь, — ответила Лайла, надеясь, что дальше не станет еще тяжелее. Вид этих мордovorотов не обещал ничего хорошего.

Тощий улыбнулся — как ни странно, все зубы были на месте.

— *Анеш*, — сказал он. — Зато теперь ты в надежных руках.

Лайла немало слышала о команде «Медного вора» и понимала, что это ложь, но прикинулась, что поверила.

— Чьи же руки это будут? — поинтересовалась она. Ходячий скелет взял ее за руку, прижался к пальцам обветренными губами, не обращая внимания на веревку, впившуюся в запястья.

— Бализ Касноф, — представился он. — Прославленный капитан «Медного вора».

Прекрасно. Касноф был легендой арнезийских морей. Его команда, небольшая, но проворная, брала корабли на abordаж в самые темные предрассветные часы. Перерезав горло всем, кто находился на борту, они забирали груз и отпускали корабль. И хоть на вид капитан казался оголодавшим, он был жаден до сокровищ и не дурак набить себе живот. Лайла знала, что «Медный вор» шел к северному берегу, в город Сол, в надежде поживиться большой партией спиртного.

— Бализ Касноф, — повторила она, как будто никогда не слышала этого имени.

— А вы? — полюбопытствовал он.

— Дилайла Бард, — ответила она. — С «Золотой рыбки».

— Правда? — переспросил он, и его люди, которым явно наскучило видеть ее одетой, принялись требовательно стучать по бочонку. — Знаете что, мисс Бард, — он галантно взял ее под руку, — расскажите мне, как вы очутились на этой лодчонке. Море не место для юных дам вроде вас.

— *Васкенс*, — пояснила она. Пираты. Как будто понятия не имела, что это слово относится и к ее нынешней компании. — Они забрали мой корабль. Мне его отец подарил на свадьбу. Мы шли к Фаро, отправились два дня назад... Пираты налетели, откуда ни возьмись, захватили «Золотую рыбку»... — Она заранее репетировала эту речь, не только слова, но и паузы. — Они... они убили моего мужа. И капитана. И всю команду. — Здесь Лайла

намеренно перешла на английский. — Все произошло так быстро... — Она спохватилась, как будто оплошность была нечаянной.

Но капитан уже клюнул, словно рыба на крючок.

— Откуда ты?

— Из Лондона, — ответила Лайла, подчеркнув свой акцент. По толпе пробежал шепоток. Она продолжила рассказ: — «Рыбка» была маленькая, но очень богатая. Нагружена припасами на целый месяц. Провиант, напитки... Деньги. Я же сказала, это был подарок. А теперь ее нет.

На самом деле это было не так. Она бросила взгляд через борт. Корабль виднелся на горизонте крохотной искоркой света. Он остановился и явно ждал. Пираты жадно проследили ее взгляд.

— Сколько там народу? — спросил Касноф.

— Достаточно, — ответила Лайла. — Человек семь или восемь.

Пираты жадно ухмылялись, и Лайла читала их мысли. Их-то в два раза больше, а их корабль сливается с ночной темнотой. Если они догонят ускользящую добычу... Лайла чувствовала на себе изучающий взгляд глубоко посаженных глазок Каснофа. Она встретилась с ним взглядом и мимоходом подумала: интересно, способен ли он к магии. Обычно корабли были запечатаны охранными заклинаниями — это сильно облегчало жизнь. Но она с удивлением обнаружила, что почти все, кого она встречала в море, не имели ни малейшей склонности к искусству стихий. Алукард говорил, что владение магией ценится очень высоко, и те, кто имеет к ней способности, обычно находят хоро-

шую работу на суше. На море волшебники уделяют больше внимания родственным стихиям — ветру и воде, но мало кто умеет повернуть прилив вспять. А в основном они предпочитают старую добрую сталь. Лайла это горячо одобряла — ведь на ней и сейчас было спрятано несколько железок.

— Почему они пощадили тебя? — спросил Касноф.

— Разве это пощада? — парировала Лейла.

Капитан облизал губы. Было видно: он уже решил, как поступит с кораблем, и теперь раздумывает, как поступить с ней. «Медные воры» милосердием не славились.

— Бализ, — позвал один из пиратов, с кожей темнее, чем у остальных. Он схватил капитана за плечо и что-то зашептал на ухо. Лайла различала отдельные приглушенные слова. «Лондонцы»... «Богатые»... и «Выкуп». Губы капитана медленно растянулись в улыбке.

— *Анеш*, — кивнул он. И крикнул команде: — Поднять паруса! Курс на юго-запад!

Люди одобрительно загудели.

— Миледи, — Касноф повел Лайлу к трапу, — у вас была тяжелая ночь. Позвольте проводить вас в мою каюту, там вам будет удобнее.

За спиной она услышала скрип открываемого бочонка, забулькал эль. Улыбнувшись, она последовала за капитаном.

К счастью, Касноф не стал задерживаться в каюте.

Он проводил ее и сразу исчез, заперев за собой дверь. Веревки у нее на руках так и не развязал. По пути, под палубой, им встретились только трое,

и Лайлу это порадовало. Значит, на борту «Медного вора» пятнадцать человек.

Лайла села на край капитанской кровати и досчитала до десяти, потом до двадцати, тридцати. Наверху слышались шаги. Корабль отправился в погоню за ее уходящим судном. Они даже не дали себе труда обыскать ее — какая самонадеянность! Она извлекла из сапога нож, хорошо отработанным движением раскрыла его в руке и перерезала веревки. Растерла запястья, мурлыча песенку-шанти про Саруса — призрака, который по ночам преследует корабли, сбившиеся с пути.

«Как нам узнать, когда явится Сарус?
Явится, явится, он уже тут..»

Лайла схватила подол обеими руками и дернула. Юбка оторвалась, и под ней обнаружили плотные черные брюки, заправленные в сапоги. Над коленями висели два ножа в ножнах. Одним из них она перерезала ленты корсета на спине. Теперь хоть можно свободно вздохнуть.

«Ветер утихнет, но шум его рядом,
В ушах, в голове, и в костях, и в крови...»

Она бросила зеленую юбку на кровать и разрешила от подола до рваного пояса. Среди шелковых складок было спрятано с полдюжины тонких палочек — они могли сойти за фижмы¹ и немного походили на факелы, но не были ни тем, ни другим. Лайла сунула нож обратно в сапог и извлекла тоненькие конусы.

¹ Здесь: часть каркаса для придания пышности юбке.

Глава 1. Морская воровка

«Штиль на воде, но корабль одинокий
Двигается вдаль, уплывает во тьму...»

Над головой раздался грохот, будто уронили что-то тяжелое. Потом еще и еще раз — эль брал свое. Она достала кусок черной материи, натерла с одной стороны углем и повязала на лицо.

«Звезды с луною испуганно скрылись,
Ведь темнота далеко не пуста,
Да-да, темнота не пуста...»

Напоследок Лайла извлекла из складок зеленой юбки черную кожаную маску. Она была совсем простая, если не считать рогов, которые изгибались над головой со странным, пугающим изяществом. Лайла завязала маску на затылке.

«Как нам узнать, когда явится Сарус?
Явится, явится, он уже тут...»

В углу капитанской каюты висело зеркало, потускневшее от времени. Она как раз смотрелась в него, когда на лестнице послышались шаги.

«Он тихую тенью на палубу ступит,
Его не увидит никто...»

Лайла улыбнулась под маской. Потом обернулась и прижалась спиной к стене. Через мгновение дверь распахнулась, но было уже поздно.

Она стукнула палочкой о дерево, как факелом, но вместо яркого света оттуда повалили густые клубы дыма. Она швырнула дымящийся конус в каюту, и кто-то споткнулся, закашлялся и, надышавшись отравленным дымом, попадал на пол.

Минус два, подумала Лайла, перешагивая через тела.

Осталось тринадцать.

II

За штурвалом никого не было.

Оставшийся без управления корабль повернулся боком к волнам и сильно накренился. Волны били его в борт и жестоко раскачивали.

Когда Лайла была на полпути к трапу, на нее налетел первый пират. Он был огромен, но двигался медленно — отчасти от эля, отчасти от растворенного в нем снадобья. Лайла легко увернулась и врезала ему ногой в грудь. Он отлетел к стене так, что хрустнули кости, застонал и осел на дощатую палубу. Выругался, но договорить не успел — носок ее сапога встретился с его челюстью. Его голова дернулась вбок, потом тяжело опустилась на грудь.

Осталось двенадцать.

Над головой снова застучали шаги. Она запалила конус и бросила его навстречу гостям. С лестницы скатились еще трое. Первый увидел клубы дыма и попятился, но второй и третий невольно преградили ему путь к отступлению, и через минуту все трое катались по полу, кашляя и хватая воздух ртом.

Осталось девять.

Лайла ткнула сапогом ближайшего пирата, перешагнула и поднялась по трапу. На краю палубы, скрытая в темноте, она осмотрелась. Не обнаружив признаков жизни, стянула с лица тряпку с уголь-